

УДК 159.99

В. О. Отчерцова

МЕДИАТРАВМАТИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ

В статье обоснована актуальность изучения медиатравматизации на данном этапе развития цифрового ландшафта. Рассмотрен механизм возникновения и развития медиатравмы в историческом аспекте. Представлена классификация вторичного травматического стресса и медиатравм. Приведены результаты современных исследований, подтверждающих влияние медиатравмы на различные категории населения. Указаны основные группы населения, наиболее подверженные медиатравме.

Ключевые слова: медиатравма, вторичный травматический стресс, посттравматическое стрессовое расстройство, пользовательский контент, тревога, депрессия.

Введение. В настоящее время человечество переживает уникальный этап, характеризующийся значительной опосредованностью общества цифровыми технологиями, в сочетании с неопределенностью исторического контекста, что существенно трансформирует концептуальные основы и практические аспекты, связанные со здоровьем, заболеваниями и психологическим благополучием индивидов. Травматический опыт, обусловленный как непосредственным наблюдением за массовыми смертями, ранениями и заболеваниями среди членов семьи и близких, так и личным переживанием последствий пандемий, стихийных бедствий и террористических актов, представляет серьезную угрозу для психического здоровья населения. Данное воздействие характеризуется глубиной и

масштабом, охватывая фундаментальные аспекты человеческого существования.

Введение карантинных мер и ограничительных мероприятий в период пандемии COVID-19 способствовало значительному росту зависимости от цифровых медиа, что привело к изменению способов коммуникации, получения информации и эмоциональной поддержки. Этот феномен создал новые условия для формирования травматических реакций, где опосредованное восприятие событий через цифровые каналы стало одним из ключевых факторов психологического стресса. Это, в свою очередь, создало условия для распространения потенциально вредного цифрового контента, что может оказывать негативное влияние на психическое здоровье и общее благополучие населения.

В условиях глобализации и развития новых медиа произошел качественный сдвиг в восприятии информации, что нанесло серьезный удар по ментальному состоянию людей. Стремительный поток негативной информации, освещающий трагические события, создает ситуацию взаимного воздействия, когда воспринимаемые тревожные и печальные новости способны активизировать предыдущие травмы. Это формирует новое поколение психологических расстройств, связанных с наблюдением за насилием, гибелью, горем и страданиями, многие представители которых даже не имеют непосредственного отношения к переданным событиям. Таким образом, проблема медиатравматизации требует глубокого и тщательного анализа, выяснения коренных причин явления, его последствий и рисков.

Постановка проблемы: Несмотря на значительную эмпирическую базу исследований влияния массмедиа на психическое здоровье, остается недостаточно изученным вопрос о специфике формирования и проявления травматических состояний под воздействием медиаконтента в контексте повседневно массового использования цифровых медиа и социальных сетей.

Цель данной работы – обобщение актуальной информации о механизме медиатравматизации, систематизация имеющихся данных, а также выявление категорий населения, наиболее подверженных данному виду психологической травмы.

Методология и методы исследования. Работа основана на анализе научной литературы и современных ис-

следований, посвященных медиатравматизации. Использовались данные эмпирических исследований, проведенных D. S. Busso, A. Feinstein, P. Ramsden и другими учеными. Также были рассмотрены результаты метаанализов, проводимых в 2022 году В. Pfefferbaum и её коллегами.

Обзор литературы. Распространенность и последствия насилия, изображаемого в средствах массовой информации и сфере развлечений, стали предметом активных научных дискуссий на международном уровне. В 1972 году главный хирург Соединенных Штатов Америки опубликовал специальный отчет, в котором был представлен значительный объем данных, свидетельствующих о влиянии насилия в средствах массовой информации (СМИ) на общественное здоровье [23]. В этом докладе основное внимание уделялось телевидению как преобладающей форме массовой информации и развлечений в Соединенных Штатах в тот период.

В современном обществе индивиды постоянно подвергаются воздействию медиаконтента, который включает информацию о случаях сексуального насилия, массовых расстрелах, террористических актах, а также техногенных и природных катастрофах. Это явление формирует информационную среду, пронизанную образами насилия и жестокости, что требует глубокого и комплексного анализа как социального, так и психологического влияния на отдельных людей и на сообщество в целом.

Травматические события, связанные с гибелью или угрозой смерти, тяжкими телесными повреждениями, а

также сексуальным насилием, классифицируются как первичные травмы, поскольку участники этих событий переживают их непосредственно в реальности. Однако возможны ситуации, когда травматическое воздействие возникает у лиц, являющихся лишь свидетелями данных событий. В данном контексте используется концепция вторичного травматического стресса (STS), который развивается как результат опосредованного контакта с травмой через визуальные образы, рассказы или воспоминания [9].

В. Stamm и соавторы в своем исследовании приходят к выводам, что воздействие чужой травматичной истории способно вызывать симптомы, имеющие сходство с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Определение Ч. Фигли рассматривает STS как профессиональный риск для специалистов помогающих профессий, однако ряд эмпирических данных указывает на возможность развития данного состояния у непрофессионалов, регулярно потребляющих медиаконтент, содержащий травмирующие материалы [Там же].

Р. Ramsden в своем исследовании выявила, что 22 % участников эксперимента продемонстрировали высокие показатели клинических симптомов ПТСР, несмотря на отсутствие личного травматического опыта или прямого участия в травматических событиях. Данный эффект был связан с регулярным просмотром новостных материалов через социальные сети, причем наиболее значительное воздействие наблюдалось среди тех, кто сообщал о ежедневном потреблении такого контента [Там же].

С. Comstock и J. Platania предложили расширить концепцию вторичного травматического стресса, сделав ее универсальной и включив в нее кроме профессионалов помогающих профессий также непрофессионалов, которые подвергаются воздействию медиаконтента [9].

Е. Т. Плетка и Ю. Чаплинская предложили классификацию вторичной травматизации по степени интенсивности, выделяя три основных типа:

- Травма свидетеля – возникает у лиц, наблюдающих за травматическими событиями, но не участвующих в них напрямую. У таких индивидов формируются четкие, но фрагментарные воспоминания о деталях события, дополняемые лимбической системой для создания целостной картины происшествия, приводящие к искажению памяти;

- Травма слушателя – индивид не является непосредственным участником травматического события, но близок к его участникам, что позволяет ему воспринимать и осмысливать детали происходящего, а также эмоциональные реакции тех, кто непосредственно вовлечен в событие.

- Травма зрителя определяется как состояние, при котором индивид располагает лишь фрагментарной, частично интерпретированной информацией о событии, воспринимаемой через средства массовой информации. Данная форма травматического переживания отличается тем, что психика человека вынуждена реконструировать значительную часть событийной картины, основываясь на ограниченных данных и предложенных медиа интерпретациях, что существенно модифицирует

первоначальный контекст события [4, с. 33 – 34].

Е. Л. Вознесенская предлагает следующее определение: «медиатравма – это психическая травма, возникающая под интенсивным воздействием медиасредств, медиасообщений, медиаконтента, опасная для психики реакция на эмоционально значимое событие, затрагивающее значимые сферы существования человека, обусловленная сильными стрессовыми воздействиями на психику, представляющая угрозу для жизни (или такая, что воспринимается как угроза, нарушающая чувство безопасности)» [1].

Автор предлагает определять медиатравму как форму вторичного травматического стресса, возникающего под интенсивным воздействием медиаконтента. В отличие от первичной травмы, где индивид является непосредственным участником события, медиатравма характеризуется косвенным контактом с травмирующим опытом через посредничество средств массовой информации. Интенсивность воздействия медиатравмы может быть сравнительно умеренной, но длительной и многократной, что усиливает ее травмирующий эффект.

Механизмы медиатравматизации включают психологические процессы идентификации и проекции, при которых индивид эмоционально сопереживает персонажам или участникам событий, представленных в медиасообщениях. Особым признаком медиатравмы является обязательное участие медиа в качестве источника или средства передачи травматического содержания. Несмотря на отсутствие непосредственного участия в травматическом событии, индивид ис-

пытывает эмоциональные реакции, аналогичные тем, которые возникают у лиц, находящихся в центре события.

Е. Л. Вознесенская разработала типологию медиатравм с учетом уровня медиаактивности личности:

1. Травма пассивного восприятия, которая делится:

– на травму «Я очевидец», которая вызвана восприятием реальных событий через медиа;

– травму аудиовизуального воздействия, обусловленную просмотром медиапродуктов, содержащих сцены насилия, фильмы ужасов и другие травмирующие материалы.

2. Травма нарушения социальных контактов: включает феномены кибербуллинга, моббинга, троллинга и других форм унижения, а также эмоциональные травмы, связанные с проблемами в межличностных отношениях.

3. Травма нарушения личных границ: возникает при несанкционированном распространении персональных данных через цифровые каналы.

А. Меек рассматривает феномен медиатравмы через призму коллективной памяти и эволюции медиатехнологий [16]. Согласно позиции данного автора, коллективная память и коллективный опыт могут быть источниками травмы, особенно когда они фиксируются в культурных нарративах, передаваемых через средства массовой информации. СМИ играют роль в распространении «травмирующих» образов и рассказов о культурных травмах, что способствует формированию у целых этнических групп или наций ощущений скорби, подавленности и укрепления коллективной травмы.

Анализ феномена демонстрирует, что процесс передачи травмы через визуальные образы имеет древнюю историю. Исследование К. Stiles наскальных рисунков в пещере Ласко (Франция), таких как «Стрела мертвеца», указывает на возможную преемственность этого явления с палеолитической эпохи [8]. Дополнительным подтверждением связи между искусством и травмой служит работа П. Пикассо «Герника», которая стала символом коллективной травмы XX в. [16].

За последние десятилетия влияние телевидения и СМИ на детей значительно возросло. Более 50 % детей сообщали о переживании гнева, грусти или депрессии после просмотра новостей [19]. Понимание и интерпретация событий, увиденных детьми в СМИ и интернет-ресурсах, зависят от уровня их когнитивного и психологического развития. Дети в меньшей степени, чем взрослые, способны регулировать свое эмоциональное состояние после просмотра травмирующих изображений и сюжетов.

Дети дошкольного возраста больше всего подвержены воздействию визуального контента, эмоциональных описаний и звукового ряда. Дети младше 5 лет могут реагировать на медиатравматизацию ночным энурезом, сосанием пальца или боязнью темноты. Также могут появиться страх, беспокойство, проблемы со сном, агрессивное поведение и дополнительные трудности при разлуке с родителями [13].

Дети младшего школьного возраста (7 – 12 лет) лучше понимают событие, но интерпретируют его конкретно. Младшие школьники могут страдать от симптомов тревоги, ПТСР и депрессии.

Это может проявляться в виде избегания школы, соматических жалоб (например, головных болей или болей в животе), иррациональных страхов, проблем со сном, ночных кошмаров, раздражительности, агрессивных вспышек, чувства безнадежности, печали, ухода в себя [Там же].

Подростки подвержены влиянию визуальных образов, однако они также обеспокоены реакцией сообщества и влиянием угроз на их будущее [Там же]. Реакции подростков (12 – 18 лет) больше похожи на реакции взрослых: навязчивые мысли, ночные кошмары, нарушения сна, повышенная бдительность, эмоциональное оцепенение и избегание.

Влияние средств массовой информации на эмоциональное и психологическое состояние детей, находящихся в условиях боевых действий, было предметом углубленного изучения на примере палестинских и кувейтских детей во время войны в Персидском заливе. Результаты исследования показывают, что палестинские дети, которые подвергались косвенной травматизации через медийное освещение конфликтов, демонстрировали более высокие уровни предвосхищающей тревоги и когнитивных проявлений дистресса по сравнению с их сверстниками, непосредственно пережившими боевые действия. У последних, в свою очередь, отмечалась повышенная предрасположенность к симптомам посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [Там же]. Аналогичные результаты были получены в ряде исследований, проведенных в Израиле [19].

Исследования, проведенные D. S. Busso и коллегами, выявили, что у подростков, подвергнутых высокому уровню насилия в детстве, после освещения в средствах массовой информации террористических актов наблюдалось усиление симптомов ПТСР [6]. Кроме того, среди детей, чьи родители работают в области помощи другим, была зафиксирована повышенная предрасположенность к медиатравматизации после травмирующих событий [13].

Родители, будучи чувствительными к угрожающим их детям событиям, сами становятся уязвимой группой населения относительно медиатравмы [5]. Исследования доказывают, что степень адаптации родителей к травмирующим событиям влияет на восприятие и поведение детей [14; 20]. В ряде научных работ была выявлена взаимосвязь между частотой просмотра медиаконтента и повышенной выраженностью симптомов медиатравмы [10; 18]. M. W. Otto и соавторы продемонстрировали, что поддержка семьи до травмирующих событий снижает риск развития симптомов ПТСР [18].

Обзорное исследование, выполненное P. McNally и соавторами, показывает, что лица с умственной отсталостью гораздо более подвержены психологическим травмам, чем общая популяция [15]. Такая степень уязвимости данной группы населения к травматическим переживаниям может быть объяснена рядом специфических факторов, среди которых можно выделить ограниченные навыки эмоциональной регуляции, функциональную зависимость от окружающих и когнитивные нару-

шения, которые ухудшают их способность адекватно распознавать риски и потенциальные угрозы в окружающей среде. Кроме того, исследование акцентирует внимание на том, что реабилитация после травматического опыта для людей с умственной отсталостью затрудняется их ограниченными возможностями в описании своих переживаний, идентификации связанных с ними эмоций и выборе эффективных стратегий для решения проблем и восстановления контроля над своей жизнью.

Эмпирическое исследование В. L. Cardozo и коллег, проведенное в послевоенном Афганистане, обнаружило значимо более низкий уровень психического здоровья у лиц, имеющих инвалидность. При этом была выявлена значительная корреляция между психическим состоянием и влиянием травматических событий [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что люди с ограниченными возможностями здоровья и умственной отсталостью имеют высокую уязвимость к медиатравматизации. Эта особенность проистекает из сочетания эмоциональных и когнитивных характеристик описанной группы, а также частой социальной изоляции, что значительно ограничивает контакты с внешним миром посредством традиционных каналов коммуникации. Результатом становится взаимодействие с социумом, как правило, преимущественно через различные электронные устройства. Подтвержденная прямая зависимость между объемом потребленного негативного медиаконтента и выраженностью проявлений медиатравмы подчеркивает заметную роль

социальной изоляции как одного из основных факторов, способствующих медиатравматизации данной категории населения.

Кроме того, метаанализ, проведенный в 2022 году В. Pfefferbaum и её соавторами, продемонстрировал сложности в диагностировании депрессии как проявления медиатравмы, что обусловлено высокой распространенностью депрессивных состояний среди населения [21].

Приведенные аргументы также актуальны в контексте новой формы журналистики – пользовательского контента (user generated content, UGC). Данная аббревиатура охватывает видеоматериалы и фотографии, предоставленные редакциям общественностью. Содержание таких «живых» материалов, нередко включающее изображения экстремального насилия, пользуется высоким спросом у новостных организаций. Создаются специальные новостные подразделения, целью которых является редактирование и «очищение» подобных изображений для показа в новостных и документальных программах [11].

Эмоциональное здоровье журналистов, работающих с UGC, остается недостаточно изученной темой. Ранее проведенное исследование, в котором участвовал 81 журналист, подвергающийся потенциальному просмотру видеозаписей насильственных событий, не выявило значительного увеличения симптомов посттравматического стрессового расстройства [12].

Непрерывный поток подобных материалов, наряду с длительностью отдельных конфликтов, приводит к тому, что некоторые журналисты регулярно и продолжительно взаимодействуют с

глубоко тревожными изображениями. Исследования показали, что частота воздействия UGC последовательно и независимо предсказывает различные показатели медиатравматизации, включая тревожные расстройства, депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство и злоупотребление алкоголем [11].

Ранее проведенные исследования, касающиеся военных журналистов, выявили повышенные уровни посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и тяжелой депрессии у данной группы по сравнению с журналистами, занимающимися внутренними репортажами, которые не подвергаются непосредственным угрозам и редко становятся свидетелями насилия. Структурированные интервью, проведенные с военными журналистами, продемонстрировали, что уровень распространенности данных расстройств на протяжении жизни приближается к показателям, наблюдаемым у ветеранов боевых действий [24].

Результаты исследования. Медиатравма – это форма вторичного травматического стресса, возникающего под интенсивным воздействием медиаконтента. С учетом приведенных наблюдений можно выделить несколько групп, наиболее подверженных риску медиатравматизации. К ним относятся дети различных возрастных категорий, родители, специалисты помогающих профессий и их семьи. В группу риска также попадают лица, проживающие в непосредственной близости от места происшествия, а также журналисты, особенно работающие на постоянной основе с пользовательским контентом. Кроме того, особую уязвимость к медиатравматизации демонстрируют лица,

имеющие предшествующие психологические травмы или подвергавшиеся насилию, а также лица с ограниченными возможностями и умственной отсталостью.

Обсуждение. Анализ современных исследований свидетельствует о том, что медиатравматизация становится всё более актуальной проблемой в условиях цифровой трансформации общества. Полученные данные позволяют утверждать, что травматический опыт, опосредованный через средства массовой информации и цифровые платформы, может вызывать устойчивые психоэмоциональные реакции, аналогичные тем, которые возникают при непосредственном переживании травмы.

Можно утверждать, что медиатравматизация – это многоаспектный феномен, требующий комплексного подхода в изучении и профилактике. Её влияние распространяется на различные возрастные и социальные группы, при этом степень выраженности симптомов зависит от множества факторов, включая индивидуальную восприимчивость, объём потребляемого медиаконтента и наличие предыдущих травматических переживаний.

Заключение. На основе представленной информации можно сделать вы-

вод, что медиатравма представляет собой разновидность вторичной травмы, известной как травма зрителя. Этот феномен берет свои корни с палеолита и распространяется через произведения искусства и различные изображения, которые транслируются через разнообразные медиаплатформы.

Особую уязвимость к медиатравматизации проявляют дети разных возрастных групп, что обусловлено их когнитивной и эмоциональной незрелостью. Также в группе риска находятся личности, имеющие дополнительную стрессовую нагрузку или пережившие психические травмы в прошлом. Степень выраженности медиатравмы напрямую зависит от частоты потребления травмирующего контента. У людей, столкнувшихся с медиатравмой, могут наблюдаться такие симптомы, как тревога, депрессия, а в некоторых случаях – посттравматическое стрессовое расстройство.

Необходимы дальнейшие подробные исследования, посвященные влиянию медиатравмы, разработка диагностических материалов для определения степени травматизации, популяризация цифровой гигиены и приемов самопомощи при обнаружении у себя и своих близких симптомов и признаков медиатравмы.

Литература

1. Вознесенская Е. Л. Медиатизированный социальный оптимизм молодежи: исследования в контексте медиатравматизации // *Studia universitatis Moldaviae*. 2018. № 9 (119). С. 200 – 206.
2. Вознесенська О. Л. Імпліцитна типологія медіатравм в контексті медіаактивності особистості // *Медіаторчість в сучасних реаліях: протистояння медіатравмі* : зб. наук. праць. Кропивницький : Імекс-ЛТД, 2020. С. 11 – 14.
3. Петракова Г. Травма свидетеля: почему мне плохо от того, что я вижу, и как с этим справиться. М. : Эксмо, 2023. 208 с.

4. Плетка О. Т., Чаплинская Ю. Вторична травматизація: класифікація медіатравм // Медіаторчість в сучасних реаліях: протистояння медіатравмі : зб. наук. праць. Кропивницький : Імекс-ЛТД, 2020. С. 32 – 34.
5. Bui E., Rodgers R. F., Herbert C. [et al.]. The Impact of Internet Coverage of the March 2011 Japan Earthquake on Sleep and Posttraumatic Stress Symptoms: An International Perspective // *The American journal of Psychiatry*. 2012. № 169 (2). С. 221 – 222. DOI: 10.1176/appi.ajp.2011.11081281. URL: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2011.11081281> (дата обращения: 14.12.2024).
6. Busso D. S., McLaughlin K. A., Sheridan M. A. Media exposure and sympathetic nervous system reactivity predict PTSD symptoms after the Boston marathon bombings // *Depress Anxiety*. 2014. № 31 (7). С. 551 – 558. DOI: 10.1002/da.22282. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/da.22282> (дата обращения: 14.12.2024).
7. Cardozo B. L., Bilukha O. O., Crawford C. A. [et al.]. Mental health, social functioning, and disability in postwar Afghanistan // *JAMA*. 2004. № 292 (5). С. 575 – 84. DOI: 10.1001/jama.292.5.575. PMID: 15292083. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15292083/> (дата обращения: 27.12.2024).
8. Chiaraluce C., Moles K., Robinson L. [et al.]. A Social Diagnosis of Digitally Mediated COVID-19 Trauma // *American Behavioral Scientist*. 2022. № 0 (0). DOI: 10.1177/00027642221132185. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/00027642221132185> (дата обращения: 14.12.2024).
9. Comstock C. & Platania J. The role of media-induced secondary traumatic stress on perceptions of distress // *American International Journal of Social Science*. 2017. № 6 (1). OAI: docs.rwu.edu:fcas_fp-1252. URL: <https://core.ac.uk/outputs/132776190?source=oai> (дата обращения: 14.12.2024).
10. Duarte C.S., Wu P., Cheung A. [et al.]. Media use by children and adolescents from New York City 6 months after the WTC attack // *Journal of Traumatic Stress*. 2011. № 24(5). С. 553 – 556. DOI: 10.1002/jts.20687. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/jts.20687> (дата обращения: 14.12.2024).
11. Feinstein A., Audet B., Waknine E. Witnessing images of extreme violence: a psychological study of journalists in the newsroom // *Journal of the Royal Society of Medicine Open*. 2014. № 5 (8). DOI: 10.1177/2054270414533323. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2054270414533323> (дата обращения: 27.12.2024).
12. Feinstein A., Owen J., Blair N. A hazardous profession: war, journalists, and psychopathology // *The American Journal of Psychiatry*. 2002. № 159 (9). С. 1570 – 1575. DOI: 10.1176/appi.ajp.159.9.1570. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12202279/> (дата обращения: 28.12.2024).
13. Fremont W. P., Pataki C., Beresin E. V. The Impact of Terrorism on Children and Adolescents: Terror in the Skies, Terror on Television // *Child Adolescent Psychiatric Clinics of North America*. 2005. № 14 (3). DOI: 10.1016/j.chc.2005.02.001. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1056499305000179?via%3Di-hub> (дата обращения: 14.12.2024).

14. Gewirtz A., Forgatch M., Wieling E. Parenting Practices as Potential Mechanisms for Child adjustment Following Mass Trauma // *Journal of marital and family therapy*. 2008. № 34 (2). С. 177 – 192. DOI: 10.1111/j.1752-0606.2008.00063.x. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1752-0606.2008.00063.x> (дата обращения: 14.12.2024).
15. McNally P., Taggart L. and Shevlin M. Trauma experiences of people with an intellectual disability and their implications: A scoping review // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2022. № 34. С. 927 – 949. URL: <https://doi.org/10.1111/jar.12872> (дата обращения: 24.12.2024).
16. Meek A. Trauma in the Digital Age. In: Kurtz JR, ed. // *Trauma and Literature*. Cambridge Critical Concepts. Cambridge University Press. 2018. С. 167 – 180. DOI: 10.1017/9781316817155.013. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/trauma-and-literature/trauma-in-the-digitalage/337B67BF98AE41769DDDBDA5C3CA1F89> (дата обращения: 24.12.2024).
17. Moody R. Screen Time Statistics: Average Screen Time by Country [Электронный ресурс] // [comparitech.com](https://www.comparitech.com). URL: <https://www.comparitech.com/tv-streaming/screen-time-statistics/> (дата обращения: 14.12.2024).
18. Otto M.W., Henin A., Hirshfeld-Becker D.R. [et al.]. Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders // *Journal of Anxiety Disorders*. 2007. № 21. С. 888 – 902. DOI: 10.1016/j.janxdis.2006.10.008. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0887618507000060?via%3Dihub> (дата обращения: 14.12.2024).
19. Pfefferbaum B. Children’s Exposure to Single Incidents of Terrorism: Perspectives Over 25 Years Since the Oklahoma City Bombing // *Current Psychiatry Reports*. 2020. № 22 (8). DOI: 10.1007/s11920-020-01163-2. URL: <https://doi.org/10.1007/s11920-020-01163-2> (дата обращения: 14.12.2024).
20. Pfefferbaum B., Jacobs A., Houston J. B., Griffin N. Children’s Disaster Reactions: the Influence of Family and Social Factors // *Current Psychiatry Reports*. 2015. № 17 (7). DOI: 10.1007/s11920-015-0597-6. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11920-015-0597-6> (дата обращения: 14.12.2024).
21. Pfefferbaum B., Tucker P., Nitiéma P. [et al.]. Inconclusive Findings in Studies of the Link Between Media Coverage of Mass Trauma and Depression in Children // *Current Psychiatry Reports*. 2022. № 24. С. 181 – 193. DOI: 10.1007/s11920-022-01328-1. URL: <https://doi.org/10.1007/s11920-022-01328-1>. (дата обращения: 14.12.2024).
22. Pfefferbaum B., Tucker P., Pfefferbaum R. L. [et al.]. Media Effects in Youth Exposed to Terrorist Incidents: a Historical Perspective // *Current Psychiatry Reports*. 2018. № 20(2). DOI: 10.1007/s11920-018-0875-1. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11920-018-0875-1> (дата обращения: 14.12.2024).
23. Violence in the Media and Entertainment (Position Paper) [Электронный ресурс] // [aafp.org](https://www.aafp.org). URL: <https://www.aafp.org/about/policies/all/violence-media-entertainment.html> (дата обращения: 14.12.2024).

24. Weidmann A., Papsdorf J. Witnessing Trauma in the Newsroom: Posttraumatic Symptoms in Television Journalists Exposed to Violent News Clips // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2010. № 198 (4). С. 264 – 271. DOI: 10.1097/NMD.0b013e3181d612bf. URL: https://journals.lww.com/jonmd/abstract/2010/04000/witnessing_trauma_in_the_newsroom__posttraumatic.4.aspx. (дата обращения: 28.12.2024).

References

1. Voznesenskaya E. L. Mediatizirovanny`j social`ny`j optimizm molodezhi: issledovaniya v kontekste mediatravmatizacii // *Studia universitatis Moldaviae*. 2018. № 9 (119). S. 200 – 206.
2. Voznesens`ka O. L. Implicitna tipologiya mediatravm v konteksti mediaaktivnosti osobistosti // *Mediatvorchist` v suchasnix realiyax: protistoyannya mediatravmi : zb. nauk. pracz`*. Kropivnicz`kij : Imeks-LTD, 2020. S. 11 – 14.
3. Petrakova G. Travma svidetelya: pochemu mne ploxo ot togo, chto ya vizhu, i kak s e`tim spravit`sya. M. : E`ksmo, 2023. 208 s.
4. Pletka O. T., Chaplinskaya Yu. Vtorinna travmatizacziya: klasifikacziya mediatravm // *Mediatvorchist` v suchasnix realiyax: protistoyannya mediatravmi : zb. nauk. pracz`*. Kropivnicz`kij : Imeks-LTD, 2020. S. 32 – 34.
5. Bui E., Rodgers R. F., Herbert C. [et al.]. The Impact of Internet Coverage of the March 2011 Japan Earthquake on Sleep and Posttraumatic Stress Symptoms: An International Per-spective // *The American journal of Psychiatry*. 2012. № 169 (2). S. 221 – 222. DOI: 10.1176/appi.ajp.2011.11081281. URL: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2011.11081281> (data obrashheniya: 14.12.2024).
6. Busso D. S., McLaughlin K. A., Sheridan M. A. Media exposure and sympathetic nervous system reactivity predict PTSD symptoms after the Boston marathon bombings // *Depress Anxiety*. 2014. № 31 (7). S. 551 – 558. DOI: 10.1002/da.22282. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/da.22282> (data obrashheniya: 14.12.2024).
7. Cardozo B. L., Bilukha O. O., Crawford C. A. [et al.]. Mental health, social functioning, and disability in postwar Afghanistan // *JAMA*. 2004. № 292 (5). S. 575 – 84. DOI: 10.1001/jama.292.5.575. PMID: 15292083. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15292083/> (data obrashheniya: 27.12.2024).
8. Chiaraluce C., Moles K., Robinson L. [et al.]. A Social Diagnosis of Digitally Mediated COVID-19 Trauma // *American Behavioral Scientist*. 2022. № 0 (0). DOI: 10.1177/00027642221132185. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/00027642221132185> (data obrashheniya: 14.12.2024).
9. Comstock C. & Platania J. The role of media-induced secondary traumatic stress on perceptions of distress // *American International Journal of Social Science*. 2017. № 6 (1). OAI: docs.rwu.edu:fcas_fp-1252. URL: <https://core.ac.uk/outputs/132776190?source=oai> (data obrashheniya: 14.12.2024).
10. Duarte C.S., Wu P., Cheung A. [et al.]. Media use by children and adolescents from New York City 6 months after the WTC attack // *Journal of Traumatic Stress*. 2011. № 24(5). S. 553 – 556. DOI: 10.1002/jts.20687. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/jts.20687> (data obrashheniya: 14.12.2024).

11. Feinstein A., Audet B., Waknine E. Witnessing images of extreme violence: a psychological study of journalists in the newsroom // *Journal of the Royal Society of Medicine Open*. 2014. № 5 (8). DOI: 10.1177/2054270414533323. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2054270414533323> (data obrashheniya: 27.12.2024).
12. Feinstein A., Owen J., Blair N. A hazardous profession: war, journalists, and psychopathology // *The American Journal of Psychiatry*. 2002. № 159 (9). S. 1570 – 1575. DOI: 10.1176/appi.ajp.159.9.1570. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12202279/> (data obrashheniya: 28.12.2024).
13. Fremont W. P., Pataki C., Beresin E. V. The Impact of Terrorism on Children and Adolescents: Terror in the Skies, Terror on Television // *Child Adolescent Psychiatric Clinics of North America*. 2005. № 14 (3). DOI: 10.1016/j.chc.2005.02.001. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1056499305000179?via%3Dihub> (data obrashheniya: 14.12.2024).
14. Gewirtz A., Forgatch M., Wieling E. Parenting Practices as Potential Mechanisms for Child adjustment Following Mass Trauma // *Journal of marital and family therapy*. 2008. № 34 (2). S. 177 – 192. DOI: 10.1111/j.1752-0606.2008.00063.x. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1752-0606.2008.00063.x> (data obrashheniya: 14.12.2024).
15. McNally P., Taggart L. and Shevlin M. Trauma experiences of people with an intellectual disability and their implications: A scoping review // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2022. № 34. S. 927 – 949. URL: <https://doi.org/10.1111/jar.12872> (data obrashheniya: 24.12.2024).
16. Meek A. Trauma in the Digital Age. In: Kurtz JR, ed. // *Trauma and Literature*. Cambridge Critical Concepts. Cambridge University Press. 2018. S. 167 – 180. DOI: 10.1017/9781316817155.013. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/trauma-and-literature/trauma-in-the-digital-age/337B67BF98AE41769DDDBDA5C3CA1F89> (data obrashheniya: 24.12.2024).
17. Moody R. Screen Time Statistics: Average Screen Time by Country [Elektronnyj resurs] // [comparitech.com](https://www.comparitech.com). URL: <https://www.comparitech.com/tv-streaming/screen-time-statistics/> (data obrashheniya: 14.12.2024).
18. Otto M. W., Henin A., Hirshfeld-Becker D. R. [et al.]. Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders // *Journal of Anxiety Disorders*. 2007. № 21. S. 888 – 902. DOI: 10.1016/j.janxdis.2006.10.008. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0887618507000060?via%3Dihub> (data obrashheniya: 14.12.2024).
19. Pfefferbaum B. Children's Exposure to Single Incidents of Terrorism: Perspectives Over 25 Years Since the Oklahoma City Bombing // *Current Psychiatry Reports*. 2020. № 22 (8). DOI: 10.1007/s11920-020-01163-2. URL: <https://doi.org/10.1007/s11920-020-01163-2> (data obrashheniya: 14.12.2024).

20. Pfefferbaum B., Jacobs A., Houston J. B., Griffin N. Children's Disaster Reactions: the Influence of Family and Social Factors // *Current Psychiatry Reports*. 2015. № 17 (7). DOI: 10.1007/s11920-015-0597-6. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11920-015-0597-6> (data obrashheniya: 14.12.2024).
21. Pfefferbaum B., Tucker P., Nitiéma P. [et al.]. Inconclusive Findings in Studies of the Link Between Media Coverage of Mass Trauma and Depression in Children // *Current Psychiatry Reports*. 2022. № 24. S. 181 – 193. DOI: 10.1007/s11920-022-01328-1. URL: <https://doi.org/10.1007/s11920-022-01328-1> (data obrashheniya: 14.12.2024).
22. Pfefferbaum B., Tucker P., Pfefferbaum R. L. [et al.]. Media Effects in Youth Exposed to Terrorist Incidents: a Historical Perspective // *Current Psychiatry Reports*. 2018. № 20(2). DOI: 10.1007/s11920-018-0875-1. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11920-018-0875-1> (data obrashheniya: 14.12.2024).
23. Violence in the Media and Entertainment (Position Paper) [E`lektronny`j resurs] // [aafp.org](https://www.aafp.org). URL: <https://www.aafp.org/about/policies/all/violence-media-entertainment.html> (data obrashheniya: 14.12.2024).
24. Weidmann A., Papsdorf J. Witnessing Trauma in the Newsroom: Posttraumatic Symptoms in Television Journalists Exposed to Violent News Clips // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2010. № 198 (4). S. 264 – 271. DOI: 10.1097/NMD.0b013e3181d612bf. URL: https://journals.lww.com/jonmd/abstract/2010/04000/witnessing_trauma_in_the_newsroom__posttraumatic.4.aspx. (data obrashheniya: 28.12.2024).

V. O. Otchertsova

MEDIA TRAUMATIZATION AS A PROBLEM OF MODERN SOCIETY: CAUSES, CONSEQUENCES, RISKS

The article substantiates the relevance of studying media traumatization at this stage of the development of the digital landscape. The mechanism of the emergence and development of media trauma in the historical aspect is considered. The classification of secondary traumatic stress and media injuries is presented. The results of modern research confirming the impact of media trauma on various categories of the population are presented. The main population groups most susceptible to media trauma are indicated.

Key words: *media trauma, secondary traumatic stress, post-traumatic stress disorder, user-generated content, anxiety, depression, post-traumatic stress disorder (PTSD).*